

Е. А. Ермолин

Диалогическое самопознание культуры: внутренний ракурс

Самопознание культуры происходит диалогически, в рефлексивном процессе, внутренним ракурсом которого являются диалогические коммуникации, связанные, в первую очередь, с внутрикультурными напряжениями, противоречиями и конфликтами. Этот рефлексивный процесс в масштабе русской культуры предстает процессом поисково-конфликтного взаимодействия разных по природе своей противоположностей.

Ключевые слова: диалогичность культуры, рефлексивная культура, модели культурной эволюции.

E. A. Ermolin

Dialogical Self-Knowledge of Culture: an Internal Perspective

Self-knowledge of culture occurs in a dialogical way, in a reflexive process, the internal perspective of which is the dialogic communication, primarily associated with intra-cultural tensions, contradictions and conflicts. This reflexive process on the scale of Russian culture appears as a process of search-and-conflict interaction of different by nature opposites.

Keywords: dialogic culture, reflexive culture, models of cultural evolution.

Культурная, смыслотворческая деятельность неизбежно диалогична, это ее сущностное свойство. На него указывают, его фиксируют представители самых разных направлений и школ.

Положение о диалогичности культуры особенно значимо для персоналистской теории культуры. Осмысление культуры с персоналистских позиций позволяет раскрыть конкретный смысл культуротворческого диалога. В России импульс для развития такого понимания культуры дали культурологические идеи мыслителя-диалогиста М. М. Бахтина. По его определению, со ссылкой в данном случае на художественное видение Достоевского, «само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть *глубочайшее общение*. Быть – значит *общаться*. Абсолютная смерть (небытие) есть неслышанность, непризнанность, невспомнутость (Ипполит). Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит *в глаза другому* или *глазами другого*» [2, с. 312].

Это соображение, характеризующее бытие личности, нетрудно транспонировать в сферу общекультурного становления, исходя из бахтинского определения культуры как «мирового симпозиума» [2, с. 318].

Слаборефлексивные культуры примитивны. Рефлексивные культуры перспективны. По определению философа Ф. Т. Михайлова, культура представляет собой «смыслонесущее» обращение, ориентированное на отклик [7]. Без реализованного рефлекса общительности культура осталась бы личным достоянием. Между тем, она формируется

и развивается прежде всего как интересующая субъектная сущность в рефлексивном пространстве креативных межличностных контактов, опосредованных памятью культуры (культур) и эрудицией участников коммуникации. При этом разноуровневый диапазон диалогических коммуникаций включает также контакты в режимах синхронии и диахронии с группами, внутрикультурными со-обществами и обществом в целом, предшествующей культурой в ее различных следах, иными культурами в их различных выражениях. В итоге формируется и развивается некий смысловой универсум, перманентно актуализированный рефлексивно и материализованный в артефактах: культура как данность, объединяющая людей, ощущающих свою с ней связь и свою к ней принадлежность, и запечатленная оригинальным узором на карте бытия. Значимость культурных феноменов того и другого порядка может быть осмыслена в контексте идей В. С. Библера [3] о непрекращающемся диалоге артефактов с прошлым и будущим, о вхождении культурных реплик в новые и новые культурные ансамбли и контексты.

Диалогичность в культуре имеет внутренний и внешний ракурсы. В этой статье будет рассмотрен внутрикультурный ракурс диалогизма.

Внутренний ракурс формируют диалогические коммуникации, субъектами которых выступают причастные культуре. Эти коммуникации бывают вполне комплиментарными, но в высокоразвитой рефлексивной культуре они связаны, в первую очередь, с внутрикультурными напряжениями, противоречиями и конфликтами. В этом ракурсе культура в своем становлении преимущественно дисгармо-

нична; гармонические совпадения и соответствия не имеют креативного потенциала, мало способствуют развитию и обогащению культуры. История культуры предстает историей культурных борений, иной раз это даже выглядит как мучительно изживающий себя антагонизм. Именно эти борения не просто во многом образуют содержание культурной динамики, но и становятся подчас ее самопроизвольным механизмом. Нормой общественной, культурной жизни является конфликт, а не равновесие. В связи с этим следует сослаться на известное суждение Льюиса Козера, отмечавшего, что «конфликт не всегда дисфункционален для отношений, внутри которых он происходит; часто конфликт необходим для достижения связей внутри системы» [10, р. 48]. Конфликт служит становлению и сохранению идентичности общества и определению границ той или иной культуры.

Идея конфликтного взаимодействия оппозиций в культуре теоретически обоснована Клодом Леви-Стросом как инструмент анализа мифа, являющегося основой всякой ментальной системы (а также Виктором Тернером с его противоположением структуры и коммунитас). Медиативная диалектика диалога между горячей и холодной культурами легко ложится в русло историко-культурного дискурса.

По Ричарду Шермерхорну, «конфликт необходим для достижения нового порядка интеграции» [11, р. 85].

Принято считать, что культурная динамика в России возникает как результат борьбы противоположностей, как антитетический процесс. При этом речь сегодня не идет о формационном подходе, исходя из которого культура определяется на основе признаков, пусть и не совсем ей чуждых, но все же не составляющих ее ядерную сущность. Формационное априори чрезмерно схематизирует реальные культурные процессы, гипертрофируя их зависимость от «экономического базиса» и экономико-социальные размежевания. Попытка дать классовую прописку тому или иному явлению культуры также выглядит анахронизмом. В целом изжила себя доктрина, представлявшая культуру общества как радикально бикультурное явление, искусственно членившая ее на культуру господствующего класса и культуру угнетенного класса (хотя отнюдь не снят вопрос о взаимодействии в культуре мейнстрима и андеграунда (маргиналий), о борьбе за культурное доминирование). Внутрикультурная диалогическая динамика не сводится к явлениям и последствиям классовой борьбы, а включает много других аспектов. Рефлексивный процесс в масштабе национальной культуры предстает как процесс поисково-конфликтного взаимодействия самых разных по природе своей противоположностей, антиномий.

К этим выводам нередко приходят ученые, осмысливающие общую логику русской культуры. Так, Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, анализируя роль дуальных моделей в динамике русской культуры, пришли к выводу, что специфической чертой русской культуры была ее принципиальная полярированность; две системы ценностей в ней противопоставлялись одна другой, что порождало перманентный внутрикультурный конфликт и вызывало спазматический ритм смены культурных эпох, каждая из которых отталкивала предшествующую [9, с. 219–297]. Они обосновывали бинарную модель русской культурной эволюции, предполагавшую маятниковый ход истории – из крайности в крайность, без компромиссов: «Тернарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная – осуществить на практике неосуществимый идеал» [6, с. 258].

В том же исследовательском ключе А. С. Ахиезер указывал на инверсионный характер русской культуры; с его точки зрения, культура строится по логике дуальных оппозиций, напряженность в составе которых преодолевается в России путем принятия одного из полюсов оппозиции и отказа от другого [1].

В. Паперный развил идею о конфликтном диалоге двух культур («культура 1» и «культура 2») и их ритмической взаимообратимости на примере культуры советского периода, 1920–1930-х гг. [8]. Иными словами, и здесь утверждается дуальная модель конфликтно-диалогической динамики.

И. В. Кондаков четко обобщил и наиболее полно использовал в конкретных анализах идею о конфликтности культурного процесса в России, опираясь на суждения Г. П. Федотова и специфически их интерпретируя, на классификацию культур Ю. М. Лотмана [5] и идеи А. С. Ахиезера. Г. П. Федотов говорил о русской коллективной душе как «единстве противоположностей», как бицентричности, схемой которой будет эллипсис. По И. В. Кондакову, между этими двумя центрами души с неизбежностью «развертывается постоянная борьба: сотрудничество, сочетающая притяжение и отталкивание смысловых полюсов», и эта «драма идей» являет собой мощный источник «возмущения» культуры, а вместе с тем и источник ее потенциальной динамичности, «взрывоопасности». Такая поляризованность «выражалась различно: то это оседлость и кочевничество, то – христианство и язычество, то – земство и опричнина, то – церковь и секуляризация (омирщение жизни), то – западничество и славянофильство, то – революция и реакция, то – федерация и империя, то – коммунизм и антикоммунизм, то – “демократы” и “патриоты”...». Этот дуализм порождал «перманентную нестабильность» и запрограммированную в культуре вариативность, а также катастрофизм как следствие попыток вырваться из плена

противоречий «скачком» [4, с. 60, 30–31, 644–645, 660–664]. Такую культуру И. В. Кондаков следом за Ю. М. Лотманом называет бинарной. Воспроизводя общетеоретические построения А. С. Ахиезера, И. В. Кондаков утверждает, что в России господствовал «особый социокультурный механизм» – инверсия, – который был направлен на сохранение бинарной структуры: в кризисной ситуации происходил простой выбор одной из противоположностей без попытки произвести их медиативное «сканирование» [4, с. 110–116].

Нет оснований сомневаться в культурной продуктивности русских противоборств (как и в том, что они отзываются невероятными тяготами жизни и регулярным ощущением исторического тупика, порочного круга). С другой стороны, едва ли, заметим, функциональный конфликт является тотальной универсалией для русской культуры. Далеко не всегда диалог в русской культуре имеет открыто конфликтный характер. Противоречия и напряжения не всегда радикализируются до степени открытого противоборства. Это обстоятельство недостаточно учитывается современными исследователями.

Так, отнюдь не логике конфронтации подчинен в основном диалог с отечественной традицией многих деятелей русской культуры, крупнейших представителей русской духовности (Сергий Радонежский и его поколение культурных деятелей, Ломоносов, Державин, Пушкин, Серафим Саровский, Достоевский, многие участники культурного возрождения в начале XX в. и т. п.). Логика противоборства в культуре начала XX в. сочетается с попытками извлечь здоровое зерно в отечественной традиции. Элементы противоборства в культурной деятельности и в культурном самосознании нередко сочетаются с фиксацией культурной преемственности.

В конфликтную схему не вполне вмещаются не только ярчайшие представители русской культуры, но и ее центральные христианские мифы и сакральные легенды. Так, многие дуальные пары, выделенные И. В. Кондаковым, не столь уж значимы в истории культуры, чтобы в принципе определить ее динамику (к тому же полярности у исследователя столь разнокачественны, что почти теряют логическую обоснованность). В описании, данном И. В. Кондаковым, верно фиксируются, но неточно объясняются факты истории культуры. То, что инструментально и механически описывается как «борьба», правильнее воспринять как чаение духовной гармонизации, освящения, обожения жизни – чаение иногда и безрассудное, почти всегда максималистски бескомпромиссное.

Логика борьбы и противоречий сочетается с логикой единства, мира на духовной глубине, с жаждой гармонии, всепримирения, утверждения целокупного идеала. Возникает диалектическое сопряжение, многозначительность и разноуровневость

которого, как нам представляется, не могут быть утрачены. Русская культура знала как опыт цельности, так и опыт разрывов и катастроф, устремленности к *иному*, это обстоятельство дает пищу для серьезных размышлений о путях отечественной культуры и парадоксальной жизни русской души.

В принципе и в любой диалогической культурной динамике принципиально важны связность, целостность, единая логика историко-культурного процесса. В рамках культуры почти всегда есть довольно крепкая надконфликтная база общих представлений, ценностей и стремлений, которая дает право уверенно говорить о ее сущностном, духовном единстве. Процессы социальной и духовной дифференциации на разных уровнях в культуре сочетаются с воспроизводством этой общей, очень глубоко укорененной базы. Культурная реальность в своем эмпирическом изобилии восходит к специфическому строю общественного и личного духовного мира и опыта, обладающему определенным единством. Историко-культурная традиция есть дело личности, она создается активной памятью и личной верностью.

Библиографический список

1. Ахиезер, А. С. Труды [Текст] / А. С. Ахиезер. – М. : Новый хронограф, 2006. – 480 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
3. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры [Текст] / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1990. – 413 с.
4. Кондаков, И. В. Введение в историю русской культуры [Текст] / И. В. Кондаков. – М. : Аспект-Пресс, 1997. – 686 с.
5. Кондаков, И. В. Ю. М. Лотман как культуролог (в эпицентре «большой структуры») [Текст] / И. В. Кондаков // Юрий Михайлович Лотман / под ред. В. К. Кантора. – М. : РОССПЭН, 2009. – С. 221–239.
6. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв [Текст] / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис ; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
7. Михайлов, Ф. Т. Самоопределение культуры: Философский поиск [Текст] / Ф. Т. Михайлов. – М. : Индрик, 2003. – 272 с.
8. Паперный, В. Культура Два [Текст] / Владимир Паперный. – М. : Новое литературное обозрение, 2007 (Серия «Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). – 2-е изд., испр. доп. – 408 с.
9. Успенский, Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры [Текст] / Б. А. Успенский. – М. : Гнозис, 1994. – 432 с.
10. Coser, Lewis. The Function of Social Conflict [Текст] / Lewis Coser. – New York : The Free Press; London : Collier Macmillan Limited, 1964. – 545 p.
11. Schermerhorn, R. A. Comparative Ethnic Relations: A Framework for Theory [Текст] / R. A. Schermerhorn. – New York : Random House, 1970. – 327 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ahiezer, A. S. Trudy [Tekst] / A. S. Ahiezer. – M. : Novyj hronograf, 2006. – 480 s.
2. Bahtin, M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Iskusstvo, 1979. – 424 s.
3. Bibler, V. S. Ot naukouchenija – k logike kul'tury [Tekst] / V. S. Bibler. – M. : Politizdat, 1990. – 413 s.
4. Kondakov, I. V. Vvedenie v istoriju russkoj kul'tury [Tekst] / I. V. Kondakov. – M. : Aspekt-Press, 1997. – 686 s.
5. Kondakov, I. V. Ju. M. Lotman kak kul'turolog (v jepicentre «bol'shoj struktury») [Tekst] / I. V. Kondakov // Jurij Mihajlovich Lotman / pod red. V. K. Kantora. – M. : ROSSPJeN, 2009. – S. 221–239.
6. Lotman, Ju. M. Kul'tura i vzryv [Tekst] / Ju. M. Lotman. – M. : Gnozis ; Izdatel'skaja gruppa «Progress», 1992. – 272 s.
7. Mihajlov, F. T. Samoopredelenie kul'tury: Filosofskij poisk [Tekst] / F. T. Mihajlov. – M. : Indrik, 2003. – 272 s.
8. Papernyj, V. Kul'tura Dva [Tekst] / Vladimir Papernyj. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2007 (Serija «Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyj zapas»). – 2-e izd., ispr. dop. – 408 s.
9. Uspenskij, B. A. Izbrannye trudy. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury [Tekst] / B. A. Uspenskij. – M. : Gnozis, 1994. – 432 s.
10. Coser, Lewis. The Function of Social Conflict [Tekst] / Lewis Coser. – New York : The Free Press; London : Collier Macmillan Limited, 1964. – 545 p.
11. Schermerhorn, R. A. Comparative Ethnic Relations: A Framework for Theory [Tekst] / R. A. Schermerhorn. – New York : Random House, 1970. – 327 p.

Reference List

1. Akhiezer A. S. Works. – M. : Novy khronograph, 2006. – 480 p.
2. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. – M. : Iskusstvo, 1979. – 424 p.
3. Bibler V. S. From science study – to logic of culture. – M. : Politizdat, 1990. – 413 p.
4. Kondakov I. V. Introduction to the Russian culture history. – M. : Aspekt-Press, 1997. – 686 p.
5. Kondakov I. V. Yu. M. Lotman as a culturologist (in epicenter of «big structure») // Yury Mikhaylovich Lotman / under the editorship of V. K. Kantor. – M. : ROSSPEN, 2009. – P. 221–239.
6. Lotman Yu. M. Culture and explosion. – M. : Gnozis; Publishing Group «Progress», 1992. – 272 p.
7. Mikhailov F. T. Self-determination of culture: Philosophical search. – M. : Indrik, 2003. – 272 p.
8. Paperny V. Culture Two. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2007 (Series «Library of the magazine «Neprikosnovenny Zapas»). – 2nd edition., corrected and added – 408 p.
9. Uspensky B. A. Selected works. V. 1. History semiotics. Semiotics of culture. – M. : Gnozis, 1994. – 432 p.
10. Coser Lewis. The Function of Social Conflict. – New York : The Free Press; London : Collier Macmillan Limited, 1964. – 545 p.
11. Schermerhorn R. A. Comparative Ethnic Relations: A Framework for Theory. – New York : Random House, 1970. – 327 p.